

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

В пятницу, 3-го ноября, шла въ бенефисъ г-жи Калмыковой комедія Лихачева «Въ рождественныхъ объятіяхъ». Мы давно ужъ убѣждены, что чѣмъ менѣе человекъ хочетъ быть несчастнымъ, тѣмъ на большей дистанціи отъ себя долженъ онъ держать людей. А названная пьеса учитъ насъ, что отъ присныхъ не такъ-то легко уйти. Нефрочно только, чтобы присные, особенно родная мать, почти безцѣльно проявляли столько злобы, сколько усматривается изъ этой комедіи. Роль г-жи Калмыковой была полна противорѣчій (Нагоева пьеса), и насколько только можно быть хорошей въ такой роли, была въ ней хороша бенефициантка. Публики на бенефисъ было больше, чѣмъ на прочихъ, и бенефицианткѣ поднесены вполнѣ заслуженный цѣнный подарокъ.

Въ среду, 8-го ноября, шла «Ивановъ» Чехова. Давно ужъ, со временъ самого Гоголя, не являлось въ драматической литературѣ столь талантливаго произведенія, и намъ кажется просто страннымъ, что оно не обратило на себя вниманія литературной критики. Произведеніе это — первая попытка обрисовать типъ интеллигентнаго человека нашего времени — дѣло чрезвычайно нелегкое, потому что, со времени паденія дореформеннаго строя, насильственно отливавшаго людей въ опредѣленные формы, прошло еще такъ мало времени, жизнь же такъ усложнилась, что едва-едва только начинають выясняться черты нравственной физиономіи отдѣльныхъ группъ людей (нельзя даже сказать сословій), типы находятся еще въ періодѣ созиданія. И вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему даже выдающіеся современные писатели не могутъ дописать до созданія типовъ. Но тѣмъ замѣчательнѣе всякая попытка въ этомъ направленіи. Въ разбираемомъ нами произведеніи два такихъ типа: одинъ — Ивановъ, мыслящій инициаторъ, несомнѣнно участвовавшій въ реформаціонной работѣ великой эпохи, и другой — Львовъ, слѣпой исполнитель, человекъ хорошо выдрессированный моралью. Что Львовъ типиченъ, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кому приходилось сталкиваться съ нашими молодыми интеллигентными людьми, только что выступающими на поприще самостоятельной общественной дѣятельности. Мы все немощно Львовъ съ печатью высокой честности на челѣ, съ назойливымъ ригоризмомъ, съ нашимъ непониманіемъ и игнорированіемъ страстей человѣческихъ. Ивановъ — представитель того разряда интеллигентныхъ людей нашего времени, которыхъ раздѣляетъ рефлексія и, какъ результатъ ея, безвѣріе, а оно создаетъ три разновидности одного и того-же типа: 1) апатичнаго Иванова, 2) циника того рода, который схваченъ очень бѣдными чертами Короленкой въ его произведеніи: «Съ двухъ сторонъ», и наконецъ третью разновидность, самую, можетъ быть, умную, которую безвѣріе приводитъ къ спокойной проиіи надъ собой. Что же, спрашивается, привело дѣятельнаго когда-то Иванова къ такому безвѣрію и апатіи? Есть люди, склонные объяснять такое пониженіе духа исключительно внѣшними причинами. Самъ Ивановъ, не умѣя объяснить своего состоянія и страшась сблженія съ Гамлетомъ, все-таки сближаетъ себя съ нимъ. Это конечно не вѣрно: въ Россіи Гамлетовъ нѣтъ или очень ужъ они рѣдки, самое большее, что въ ней есть — такъ это Чацкіе, но за то въ ней много Обломовыхъ, и такимъ Обломовымъ, разбуженнымъ на пятнадцать-двадцать лѣтъ, и представляется намъ Ивановъ. Но теперь это уже утомленный своей непродолжительной работой, а потому и раздраженный Обломовъ. Многимъ, вѣроятно, непонятенъ Ивановъ съ психологической точки зрѣнія, потому что авторъ обрисовалъ только третій послѣдній фазисъ душевнаго состоянія Иванова, фазисъ апатіи и безвѣрія. Но существу дѣла идея того-же произведенія могла-бы развиться въ трилогію, первая часть которой должна была-бы обрисовать фазисъ увлеченія Иванова идеаломъ борца и труженика, поднявшимъ его для работы; второй ея фазисъ долженъ-бы показать процессъ постепеннаго охлажденія духа, третій намъ показанъ авторомъ. Или наконецъ все три фазиса могли-бы быть саны въ одномъ произведеніи. Но не существуетъ права требовать отъ автора, особенно драматурга, полноты. Онъ воленъ отдать свое вдохновеніе каждому заинтересовавшему его моменту. Остальные персонажи драмы — живыя, типичныя, никакъ другимъ еще не затронутыя, личности. За недостаткомъ мѣста отлагаемъ отзывъ о сценическомъ исполненіи до слѣдующаго номера. Пока же скажемъ, что кто подобно намъ изучилъ пьесу такъ, что могъ повторить про себя реплики, прежде

чѣмъ ихъ произносили артисты, кто ждалъ отъ артистовъ откровенія, тотъ долженъ былъ пережить много мучительныхъ минутъ. Говоря словами исполнявшейся пьесы, это было «не то, не то и не то».

Иванов
Львовъ
Короленка